

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88

EDN: GGOPHY

Научная статья / Research article

Оловянное молоко памяти: референция, модальность и темная экология в стихотворении Елены Шварц «Ветер дохнул, и вдруг...»

А.В. Марков^{ID}

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,

✉ markovius@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью применения инструментария аналитической философии языка к поэтическому тексту для выявления его скрытой эпистемологической структуры. Стихотворение Елены Шварц представляет собой герменевтический вызов, который не исчерпывается традиционными методами анализа. Автором дана интерпретация стихотворения через призму теорий референции (С. Крипке), натуральных видов (Х. Патнем) и индетерминизма перевода (У.В.О. Куайн), а также концептов «темной экологии» (Т. Мортон) и акселерационизма (Н. Ланд). В основе методологии лежит применение аппарата аналитической философии языка и «темных» теорий для анализа цепочки метаморфоз в стихотворении как индетерминизма референции. Фигура Павла I рассматривается как «жесткий десигнатор», а образ «оловянного молока» — как извращенный «натуральный вид». Анализ показывает, что стихотворение инсценирует эпистемологический сбой, при котором референция терпит крах, уступая место спектральной причинности. Павловский парк предстает не как место памяти, а как активный агент-«гиперобъект», производящий гибридные сущности («утки-солдаты», «речка-богиня») под действием безличной, акселерационистской машины истории, персонифицированной в фигуре императора. Стихотворение Шварц оказывается исследованием того, как историческая травма, функционирующая как «жесткий десигнатор», деформирует реальность, разрушая семиозис и делая нестабильными фундаментальные категории природы и культуры.

Ключевые слова: аналитическая философия, жесткий десигнатор, Ник Ланд, историческая память, поэтика, Павловский парк

История статьи: поступила в редакцию 25.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Марков А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Марков А.В. Оловянное молоко памяти: референция, модальность и темная экология в стихотворении Елены Шварц «Ветердохнул, и вдруг...» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 76–88. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88> EDN: GGOPHY

Tin Milk of Memory: Reference, Modality, and Dark Ecology in Elena Shvarts’s Poem “The Wind Breathed, and Suddenly...”

Alexander V. Markov^{ORCID}

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ markovius@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to apply the tools of analytical philosophy of language to a poetic text to reveal its hidden epistemological structure. Elena Shvarts’s poem presents a hermeneutic challenge that cannot be exhausted by traditional methods of analysis. The aim of the article is to interpret the poem through the lens of reference theory (S. Kripke), natural kinds (H. Putnam), and the indeterminacy of translation (W.V.O. Quine), as well as the concepts of “dark ecology” (T. Morton) and accelerationism (N. Land). The methodology is based on the application of analytical philosophy of language and “dark” theories to analyze the chain of metamorphoses in the poem as an indeterminacy of reference. The figure of Paul I is considered as a “rigid designator,” and the image of “tin milk” as a perverted “natural kind.” The analysis shows that the poem stages an epistemological failure where reference collapses, giving way to spectral causality. The Pavlovsk Park appears not as a site of memory but as an active “hyperobject”-agent that produces hybrid entities (duck-soldiers, river-goddess) under the influence of an impersonal, accelerationist machine of history, personified in the figure of the emperor. Shvarts’s poem proves to be an investigation of how historical trauma, functioning as a “rigid designator,” deforms reality, destroying semiosis and destabilizing the fundamental categories of nature and culture.

Key words: analytical philosophy, rigid designator, Nick Land, historical memory, poetics, Pavlovsk Park

Article history: received 25.11.2025; accepted 06.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Markov, A.V. 2026. “Tin Milk of Memory: Reference, Modality, and Dark Ecology in Elena Shvarts’s Poem “The Wind Breathed, and Suddenly...” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 76–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-76-88> EDN: GGOPHY

Введение

Стихотворение Елены Шварц (2008) представляет герменевтический вызов для интерпретатора. Его поверхностный слой — импрессионистская зарисовка павловского пейзажа — мгновенно осложняется насильственной мифологизацией и историческими призраками. Критики [1–3] часто отмечают в творчестве Шварц сплав барокко и метафизики, однако существующие прочтения не исчерпывают его философского потенциала.

Утки в Павловске

Ветер дохнул, и вдруг
Речка Славянка
Обратилась
В Диану Эфесскую:
Бугорками пошла,
Мелкой грудью заволновалась,
Из каждого сверкающего соска
Утки пьют молоко как младенцы.

Птицы, вскормленные осенним
Оловянным молоком,
Солдатами когда-то были,
Игральным павловским полком.

Всё ждут — вернётся повелитель,
И, скинув перья свои серые,
Мундиры синие наденут,
Как будто горлышки у селезней.
И будет он наш вечный зритель.
Как скучно было в утках жить!

2008¹

Стихотворение содержит «отброшенный ключ» [4] — отсылку к статуе Актеона и Аполлона в Павловском парке, которая не названа явно, но, по замыслу автора, должна быть учтена. Этот ключ не просто добавляет аллюзий, но радикально меняет онтологический статус описываемого пространства. Традиционные методы мифологического и историко-литературного анализа оказываются недостаточными для объяснения механики этого сдвига.

Утки — сравнительно недавние пришельцы парка: «Водоплавающие — экологическая группа птиц, на примере которой, пожалуй, наиболее ярко проявились изменения в составе орнитофауны Павловского парка за последнее столетие. Несмотря на то, что водоемы на территории парка представлены не только рекой Славянкой, пересекающей парк в меридиальном направлении, но и такими крупными прудами, как Розовопавильонный пруд в районе Парадное поле, Круглый пруд в Долине реки Славянки, а также системами более мелких прудов в районе Большой Звезды и в Долине Прудов, водоплавающие птицы стали активно вселяться на его территорию лишь во второй половине XX — начале XXI века» [5].

Мы утверждаем, что стихотворение моделирует ситуацию, в которой референция терпит крах, уступая место модуляциям модальности. Ландшафт

---

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений. URL: https://eshvarts.com/texts_516/ (дата обращения: 26.11.2025).

парка становится местом столкновения жестких десигнаторов (Крипке) [6] и [7], натуральных видов (Патнем) [8] и индетерминированных переводов (Куайн) [9; 10], управляемых спектральной причинностью фигуры Павла I. Этот процесс может быть описан в терминах «темной экологии» Тимоти Мортон [11; 12] и «акселерационистской» логики А. Аванесяна и Ника Ланда [13–15] как вторжение безличного Символического/Технологического в порядок природного.

В исследовании мы ставим целью проанализировать цепь метаморфоз в стихотворении как индетерминизм референции (Куайн). Это позволяет нам ввести и обосновать концепт «жесткого десигнатора» применительно к фигуре Павла I и рассмотреть образ «оловянного молока» как точку сборки для «натурального вида» (Патнем) с противоестественными свойствами. Итогом становится интерпретация ландшафта как «гиперобъекта» (Тимоти Мортон) или интерфейса для спектральной (призрачной) причинности (Ник Ланд).

Методы

В основе методологии лежит применение аппарата аналитической философии языка к поэтическому тексту, что позволяет выявить его скрытую эпистемологическую структуру. Концепт «жесткого десигнатора» из референциальной теории Сола Крипке используется для анализа фигур Павла I и Дианы Эфесской как имен, которые во всех возможных мирах, где они существуют, отсылают к одному и тому же объекту, тем самым обладая модальной устойчивостью. Семантика натуральных видов Хилари Патнема позволяет анализировать «оловянное молоко» как пародийную версию «воды» или «молока» как натурального вида, чья внутренняя структура (скрытая сущность) извращена исторической травмой. Индетерминизм перевода Уилларда ван Ормана Куайна становится основным для описания цепи метаморфоз (речка → Диана; утки → младенцы; птицы → солдаты). Мы утверждаем, что в мире стихотворения не может быть никакого «правильного» перевода этих состояний, но они сосуществуют в режиме радикальной онтологической неопределенности.

Не-философия и темная экология Ника Ланда и Тимоти Мортон позволяют описать историю не как совокупность человеческих действий, а как безличную, акселерационистскую машину («Механика Потустороннего» Ланда), чьи эффекты проявляются в биологическом и семиотическом регистрах. Парк понимается как «гиперобъект» (Мортон), непостижимый целиком, порождающий гибриды и спектральные сущности.

Результаты и обсуждение

Метаморфозы. Первая же метаморфоза — «Речка Славянка / Обратилась / В Диану Эфесскую» — знаменует не просто метафору, а референциальный коллапс. «Диана Эфесская» выступает как жесткий десигнатор, отсылаю-

щий не к абстрактному понятию, а к конкретному мифологическому образу с фиксированными свойствами (многогрудость). Однако ее «воплощение» в речке Славянке — месте, где физически отсутствует ее статуя (но присутствует статуя Актеона, ее жертвы), — создает модальный парадокс. Жесткий десигнатор оказывается прикрепленным к пустоте, к месту травмы (наказания Актеона). Это порождает цепную реакцию индетерминизма по Куайну: если речка — это Диана, то рябь на воде — это «бугорки» на ее теле, а утки, пьющие воду, — это «младенцы, пьющие молоко». Ни один из этих «переводов» не является привилегированным, они сосуществуют в состоянии когнитивного диссонанса.

Образ «оловянного молока» становится центральным узлом этой дисфункции. Согласно Патнему, значение терминов натуральных видов (например, «вода») определяется не их чувственными свойствами, а их скрытой внутренней структурой (H₂O). «Молоко» речки-Дианы, изначальный символ жизни и питания, обнаруживает свою «скрытую сущность» — оно «оловянное». Олово — металл тусклый, неблагородный, ассоциирующийся с солдафонством (оловянные солдатики) и мертвенностью. Таким образом, натуральный вид понятия «молоко» оказывается извращен, его внутренняя структура заменена на историко-технологическую: это субстанция, произведенная не природой, но военно-бюрократической машинерией павловской России.

Фигура «повелителя», Павла I, предстает как призрак, который структурирует все стихотворение. Как жесткий десигнатор, он отсылает к конкретному историческому лицу, чья идентичность определена насильственной смертью (убийство). Эта травма делает его модально устойчивым не только в мире живых, но и в мире мертвых. Он — «вечный зритель», чье присутствие является чисто причинным, спектральным. Здесь мы привлекаем логику Ника Ланда. Павел I — это не персонаж, а акселерационистский аттрактор, деспотическая машина, которая продолжает функционировать после своей физической гибели. Его причинность не биологическая и не психологическая, а машинная: он перепрограммирует саму экологию. Биологическая жизнь (птицы) в стихотворении распознается как замаскированная военная единица («игральный павловский полк»). Это не метафора, а раскрытие их истинной, по Ланду, «технологической» сущности. Так же и ожидание возвращения в природу солдат — не психологическое желание, а программная команда. Система («полк») находится в режиме ожидания сигнала от своего центра управления («повелителя»).

«Как скучно было в утках жить!» — апофеоз ландовского процесса. Свободная, животная жизнь осознается как «скука», как неоптимальный режим работы. Стремление сбросить «перья свои серые» и надеть «[м]ундиры синие» — стремление к акселерации, к возвращению в интенсивное, хотя и смертоносное, состояние интегрированности в военную машину. Весь Павловский парк, с его дорогой к «Концу света» и статуей Аполлона-владыки

загробного мира, предстает не как место отдыха, а как интерфейс, через который эта спектральная причинность императора взаимодействует с миром, производя гибриды (утки-солдаты, речка-богиня, оловянное молоко). Далее мы рассмотрим, как именно работает ландшафт Павловского парка.

География загробного мира. Павловский парк — это не просто пейзажный ансамбль, а тщательно спроектированная философско-символическая система [16]. Его можно прочесть как карту античного Аида или как лабиринт, ведущий от жизни к смерти. Для стихотворения Шварц культурно важны три зоны: Старая Сильвия, Новая Сильвия Аполлона, Конец Света.

Старая Сильвия — не хаотический лес, а строгий регулярный парк. Двенадцать лучевых аллей сходятся к круглой площадке. Это модель идеального, упорядоченного космоса, но космоса, уже отмеченного смертью, обрывающегося Руинным Каскадом. Однако доминирующим скульптурным аккордом здесь является бронзовая статуя преследуемого Актеона работы И. Мартоса (1816). Он бежит через лес, ветки хлещут по ногам, одна веточка изваяна, и мы понимаем, что происходит. Его пластика — пластика вырывающегося из темноты героя. Это ключевая точка напряжения. Старая Сильвия — мир порядка, который хранит в своем сердце сцену панического бегства и неминуемой расправы.

Новая Сильвия — более дикая, «естественная» часть парка с резким ростом видового разнообразия деревьев [17]. Путь из Старой в Новую Сильвию лежит через обветшалый мост-руину с нарочито разрушенными малыми львами. Эти звери — стражи границ между миром живых и миром мертвых. Путника встречает статуя Аполлона Мусагета работы Федора Гордеева (1798). Но в этом контексте его функция смещается. Его лира была вскоре после установки памятника утрачена. Темный, мрачный облик статуи подчеркнут ниспадающим хитомом, несколько тревожным, вызывающим не воспоминания, а нехорошие предчувствия. Он — не светлый бог искусств, а Аполлон Витийский (Агрей), хтонический бог-прорицатель, связанный с подземным миром. Он здесь — владыка этого загробного царства, встречающий и провожающий души.

От Аполлона идет долгая, узкая, прямая тропа. Она не петляет, как в пейзажном парке, а только слегка изгибается, нигде не пропадая из виду, как магистраль, имеющая еще и дублеров, и целенаправленно ведет к одной точке — Колонне «Конец Света». Это ветхая, треснувшая колонна на краю обрыва над рекой Славянкой. Это финальная точка маршрута, буквальный и философский «конец света». Дорога заканчивается ничем — обрывом, пустотой. Весь путь от Старой Сильвии — это путешествие от насильственной смерти (Актеон) через царство мертвых (Новая Сильвия под властью хтонического Аполлона) к небытию («Конец Света»).

Актеон-функция: невидимый/отброшенный ключ. Статуя Актеона — не просто одна из многих скульптур. Это семиотическая мина, заложенная в

структуру парка, которую Шварц активирует своим стихотворением. Согласно мифу, юный охотник Актеон случайно увидел богиню Диану (Артемиду) обнаженной во время купания. В наказание за этот взгляд он был превращен ею в оленя и растерзан собственными собаками. Преступление Актеона — вторжение в сакральное, приватное пространство божества. Он увидел то, что не был предназначен видеть. Его казнь — это казнь за недозволенное знание, за нарушение табу.

Елена Шварц совершает гениальный ход: она инвертирует ситуацию. В парке нет статуи Дианы. Но есть ее жертва — Актеон. Поэт, подобно Актеону, вторгается в сакральное пространство парка-мифа и пытается увидеть невидимое — саму Диану. И она ее «видит»! Но не в мраморе или бронзе, а в самой материи ландшафта: «Речка Славянка / Обратилась / В Диану Эфесскую». Это и есть акт актеоновского зрения — увидеть богиню там, где ее формально нет. Таков акт актеоновского зрения сквозь покров реальности.

Присутствие статуи Актеона, застывшего в вечном беге, означает, что сама ситуация наказания за взгляд перманентна. Парк — место, где заглядывать за кулисы мироздания опасно, но неизбежно. В контексте стихотворения, лирическая героиня (и читатель) повторяет судьбу Актеона. Мы смотрим на речку и видим обнаженное тело богини. Мы пьем ее «молоко». Мы становимся свидетелями тайны. А в мире Павловского парка за такой взгляд положена смерть — либо растерзание псами, либо, что более релевантно для Шварц, превращение в призрака, застрывшего в этом ландшафте.

Таким образом, Павловский парк в стихотворении Шварц — не просто место действия, а активный агент, структурированный как ловушка [18]. Начиная с отсылки к невидимой Диане через ее жертву, текст сразу помещает нас в позицию нарушителя. Мы обречены на это знание. От Дианы мы идем к Павлу. Фигура «повелителя» Павла I занимает в этой мифологии место хтонического божества, подобного Аполлону у выхода из Новой Сильвии. Он — вечный наблюдатель, чьего взгляда невозможно избежать. Если Актеон был наказан за взгляд на богиню, то солдаты-утки наказаны тем, что вынуждены вечно находиться под взглядом своего императора.

Фраза «Как скучно было в утках жить!» — не бытовая жалоба, а экзистенциальный стон призрака, застрывшего на пути к «Концу Света». Это тоска по небытию, по окончании спектакля, который вечно режиссирует мертвый повелитель. Следовательно, функция Актеона — быть семиотическим предупреждением и параллелью. Он сигнализирует: всё, что происходит в этом стихотворении, — это акт запретного зрения, за которым следует метаморфоза в призрачное, подчиненное состояние. Речка, обратившаяся в Диану, — это желанное, но катастрофическое откровение, которое запускает цепную реакцию распада реальности и высвечивает темную, поработавшую механику истории, скрытую под покровом идиллического пейзажа.

Математизированная модель стихотворения. Попробуем описать модель стихотворения как математизированную систему отношений на основе психосемантики [19] между зрением (актом наблюдения) и переводом (операцией преобразования онтологических состояний).

Математическую модель зрения и перевода в стихотворении Е. Шварц можно представить следующим образом.

Базовые определения

U — Универсум, множество всех возможных объектов и состояний (речка, утки, птицы, солдаты, Диана, Павел).

$O \subseteq U$ — Подмножество Наблюдателей. В системе есть два ключевых наблюдателя:

o_1 — Лирический субъект (поэт/читатель), занимающий позицию Актеона.

o_2 — «Повелитель» (Павел I), «вечный зритель».

$V: O \times U \rightarrow S$ — Функция Взгляда. Она сопоставляет паре (Наблюдатель, Объект) некоторое состояние S из множества состояний. Взгляд не пассивен, он изменяет состояние объекта.

$T: U \times S \rightarrow U$ — Функция Перевода. Это оператор, который преобразует объект из одного состояния в другое внутри U , в зависимости от текущего состояния S . Перевод индуцирован взглядом.

Аксиомы системы

Аксиома 1 (Аксиома Актеона). Взгляд наблюдателя o_1 на объект, принадлежащий сакральному подмножеству $U_{sr} \subseteq U$, вызывает необратимый каскад переводов.

Формально: Если $u \in U_{sr}$, то $V(o_1, u) = s_0$, что запускает последовательность $T(u, s_0) = u_1, T(u_1, s_1) = u_2, \dots$, где каждое последующее состояние зависит от предыдущего.

Аксиома 2 (Аксиома Жесткого Десигнатора). Существуют объекты $u_d \in U$ (например, «Павел I», «Диана»), которые являются аттракторами. Любой каскад переводов имеет тенденцию к схождению к этим объектам: $\lim (n \rightarrow \infty) T(u_n) = u_d$.

Аксиома 3 (Аксиома Индетерминизма Куайна): Для любой цепочки переводов $T_1, T_2, \dots, T_n$, ведущей от u к u_d , существует альтернативная, онтологически равноправная цепочка $T'_1, T'_2, \dots, T'_n$, ведущая к тому же u_d , но проходящая через другие промежуточные объекты. Нет «истинного» перевода, есть только «последовательность гипотез».

Моделирование процесса в стихотворении:

Шаг 0. Начальные условия.

$U = \{\text{Речка, Утки, Птицы, Вода, ...}\}$ (натуральные виды)

$S = \{s_{\text{натур}}\}$ (нейтральное, природное состояние)

Шаг 1. Активация Взгляда o_1 и первичный перевод.

Наблюдатель o_1 смотрит на Речку. Но Речка находится в сакральной зоне Павловского парка ($Речка \in U_{sr}$).

$$V(o_1, Речка) = s\_миф$$

Запускается каскад: $T(Речка, s\_миф) = \text{Диана\_Эфесская}$.

Это не метафора, а оператор перевода, меняющий онтологический статус объекта. Рябь на воде — это не как бугорки на теле, а является ими в новом состоянии: $T(Рябь, s\_миф) = \text{Бугорки\_на\_теле\_Дианы}$.

Шаг 2. Каскадный индетерминизм.

Взгляд на Уток в новом состоянии системы $s\_миф$ дает: $V(o_1, Утки) = s\_младенцы$.

$$T(Утки, s\_младенцы) = \text{Младенцы}$$

При этом активируется Аксиома 3: альтернативный перевод, доступный только наблюдателю o_2 , выглядит иначе. Для o_2 исходное состояние Уток — $s\_солдаты$.

$$T(Птицы, s\_солдаты) = \text{Солдаты\_Павловского\_полка}$$

Система находится в суперпозиции состояний:

$$\text{Птицы} = (1/\sqrt{2}) \times |Утки\rangle + (1/\sqrt{2}) \times |Солдаты\rangle$$

Коллапс этого волнового функции происходит только при акте наблюдения o_2 .

Шаг 3. Схождение к аттрактору (Аксиома 2).

Каскад переводов, начатый наблюдателем o_1 , сходится к жесткому десигнатору «Павел I».

$$\lim_{(n \rightarrow \infty)} T(Речка\_n) = \text{Павел\_I}$$

$$\lim_{(n \rightarrow \infty)} T(Птицы\_n) = \text{Павел\_I}$$

Вся система стремится к состоянию, где доминирует этот аттрактор. «Оловянное молоко» — это фиксация перевода: $T(\text{Вода}, s\_Павел) = \text{Оловянное\_молоко}$. Свойства объекта изменены на фундаментальном уровне (по Патнему).

Отношение между o_1 и o_2 : Топология Взгляда

Здесь ключевая математическая структура — топология на множестве наблюдателей и объектов.

o_1 (Актеон) находится внутри системы. Его взгляд локальный, каузальный, запускающий процессы.

o_2 (Павел) находится на границе универсума U . Он — «вечный зритель», чья функция взгляда $V(o_2)$ является глобальным условием.

Можно представить U как многообразие, а взгляд o_2 — как заданное на нем векторное поле. Все переводы T в конечном счете выравниваются вдоль потоков этого поля.

«Как скучно было в утках жить!» — это формула, описывающая энтропию состояния, удаленного от аттрактора o_2 .

Стремление надеть мундиры — это стремление к минимуму потенциальной функции в поле взгляда o_2 .

Итоговая модель. Стихотворение описывает динамическую систему (U, O, V, T) , где:

– *начальное условие*: наблюдатель o_1 применяет оператор V к сакральному объекту;

– *динамика*: запускается каскад онтологических переводов T , обладающий свойством индетерминизма (Аксиома 3);

– *аттрактор*: система эволюционирует к состоянию, определяемому жестким десигнатором u_d , который является глобальным наблюдателем o_2 .

Стационарное состояние: вся система стабилизируется в режиме, где доминирует взгляд o_2 , а переводы зафиксированы (Вода → Оловянное_молоко, Птицы → Солдаты). Наблюдатель o_1 , начавший процесс, сам становится частью преобразованной им системы, застревая в позиции, которую он же и выявил.

Таким образом, «отношение зрения и перевода» — это нелинейный процесс рекурсивной модификации онтологии, где акт наблюдения неотделим от операции перевода, а вся система стремится к фиксированной точке, заданной спектральным наблюдателем-аттрактором.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что «отброшенный ключ» стихотворения — это не просто дополнительная аллюзия, а онтологический переключатель, сопоставимый с переключениями от имени к пластике и обратно в прощательнейшем исследовании Н.В. Брагинской романа Лонга [20]. Учет контекста Павловского парка с его статуей Актеона (жертвы божественного взгляда) и Аполлона (владыки загробного мира) позволяет прочесть текст Шварц как трактат о насилии референции и спектральной онтологии. Стихотворение демонстрирует, как жесткие десигнаторы, лишённые своих референтов в актуальном мире (статуи Дианы нет), начинают порождать альтернативные модальные миры, где они обладают причинной силой. Референция уступает место спектральной каузальности.

Ландшафт становится агентом, а не декорацией. Он не «хранит» память, а является ее активным производителем. «Оловянное молоко» — это материализованная в природной среде психическая травма имперского прошлого, его деспотическая логика. Парк — это гиперобъект по Мортону, сплав природы, мифа и истории, который невозможно очистить от его темного, тревожащего содержания.

Шварц создает не просто многозначный текст, а текст, который системно инсценирует провал любых однозначных интерпретаций. Цепь куайновских «переводов» невозможно остановить на каком-либо «верном» значении. Это

делает стихотворение мощным инструментом для демонстрации того, как историческое насилие разрушает саму ткань семиозиса, делая нестабильными фундаментальные категории (природа/культура, жизнь/смерть, свобода/не-свобода).

Заключение

Стихотворение Елены Шварц «Ветердохнул, и вдруг...» через свою сложную философскую оптику предстает не просто как описание пейзажа, а как исследование того, как призраки истории, персонифицированные в фигуре Павла I как жесткого десигнатора, деформируют реальность. Аналитическая философия языка помогла вскрыть механику этого процесса — индетерминизм референции, извращение натуральных видов, в то время как «темные» теории Ника Ланда и Тимоти Мортон позволили описать его энергетику и направленность: акселерацию в сторону распада семиотических и экологических систем под действием безличной, спектральной причинности. «Отброшенный ключ» оказывается не деталью, а главным персонажем — самой Историей как Травмой, чье молоко оказывается оловянным, а возвращения ждут не живые люди, но алгоритмы, записанные в самой материи мира.

Список литературы

1. Марков А.В. Синергетический фатализм и ситуативный хронотоп архитектурных образов Елены Шварц // Творчество и современность. 2020. № 2 (13). С. 52–58. EDN: RCTUVT
2. Марков А.В., Штайн О.А. Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц как сумма читательского опыта // Семиотические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 51–57. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57> EDN: DAUGQI
3. Марков А.В. Нулевая степень мягкой игрушки: к истолкованию одного стихотворения Елены Шварц // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 40–51. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-20241-40-51> EDN: JYMGWG
4. Гаспаров М.Л. «За то, что я руки твои...»: Стихотворение с отброшенным ключом // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. Москва : Языки русской культуры, 1997. С. 187–196.
5. Кретьова А.Ю., Ильинский И.В. Изменения в видовом составе и численности неворобьиных птиц Павловского парка за последние 100 лет // Русский орнитологический журнал. 2019. Т. 28. № 1766. С. 2033–2058. EDN: AXLUGN
6. Крипке С.А. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 340–376.
7. Kripke S.A. Naming and Necessity. Cambridge : Harvard University Press, 1980.
8. Патнем Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Прогресс, 1982. Вып. 13 : Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 377–390.
9. Куайн У.В.О. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / сост. А.А. Печенкин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Логос, 1996. С. 40–61.
10. Quine W.V.O. Word and Object. Cambridge : The MIT Press, 2013.
11. Мортон Т. Статья экологичным / пер. с англ. С. Силаковой, А. Писарева. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

12. *Мортон Т.* Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В.И. Абраменко. Пермь : Гиле Пресс, 2019.
13. *Аванесян А.* Назад из будущего: ориентации акселерации // *Логос*. 2018. Т. 28. № 2 (123). С. 1–6. EDN: XYZLCP
14. *Ланд Н.* Телеоплексия: заметки об акселерации // *Логос*. 2018. Т. 28. № 2 (123). С. 21–30. EDN: XYZLDF
15. *Ланд Н.* Собрание сочинений. Т. 3 : Нестандартные исчисления / пер. с англ. Д.Я. Хамис и др. Пермь : Гиле Пресс, 2021.
16. *Артановский С.Н.* Поэзия садов: Павловский парк // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2014. № 2 (19). С. 88–91. EDN: SEATML
17. *Ковязин В.Ф., Хынг К.К., Куинь Ф.Т.* Лесорастительные условия и видовое разнообразие древесных растений в насаждениях Павловского парка // *Актуальные проблемы лесного комплекса*. 2016. № 44. С. 163–170. EDN: VWKRQD
18. *Марков А., Сосновская А.* Зрелищность Петербурга как онтологическая проблема: объектно-ориентированная деконструкция театральных, литературных и кинематографических сборок зрелищ Санкт-Петербурга // *Социологическое обозрение*. 2025. Т. 24. № 3. С. 39–59. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-3-39-59> EDN: GJLHBX
19. *Fodor J.A.* *Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind*. Cambridge, MA : MIT Press, 1987. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001>
20. *Брагинская Н.В.* Как придумать имя: «Дафнис и Хлоя» // *Номо omnium horarum* : сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 95–133. EDN: ZUPQJA

References

1. Markov, A.V. 2020. “Synergetic Fatalism and Situational Chronotope of Architectural Images in Elena Shvarts’s Works.” *Creativity and Modernity*, no. 2 (13), pp. 52–58. (In Russ.). EDN: RCTUVT
2. Markov, A.V., and O.A. Shtayn. 2024. “The Heavenly Boat: Ekphrasis of Elena Shvarts as a Sum of Reader’s Experience.” *Semiotic Studies*, vol. 4, no. 1, pp. 51–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-51-57> EDN: DAUGQI
3. Markov A.V. 2024. “Zero degree of soft toy: toward the interpretation of a poem by Elena Shvarts.” *Practices & Interpretations: A Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*. 2024. Vol. 9, no. 1, pp. 40–51. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-20241-40-51> (In Russ.). EDN: JYMGWG
4. Gasparov, M.L. 1997. “For the Reason That I Am Your Hands...: A Poem with a Discarded Key.” In *Gasparov M.L. Selected Works*, vol. 2, pp. 187–196. Moscow: Yazyki russkoi kul’tury publ. (In Russ.). EDN: AXLUGN
5. Kretova, A.Yu., and I.V. Ilinskii. 2019. “Changes in the Species Composition and Abundance of Non-Passerine Birds in Pavlovsk Park over the Last 100 Years.” *Russian Ornithological Journal*, vol. 28, no. 1766, pp. 2033–2058. (In Russ.)
6. Kripke, S.A. 1982. “Identity and Necessity.” In *New in Foreign Linguistics*, iss. 13: Logic and Linguistics (Problems of Reference), pp. 340–376. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
7. Kripke, S.A. 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Putnam, H. 1982. “Meaning and Reference.” In *New in Foreign Linguistics*, iss. 13: Logic and Linguistics (Problems of Reference), pp. 377–390. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
9. Quine, W.V.O. 1996. “Ontological Relativity.” In *Modern Philosophy of Science: Knowledge, Rationality, Values in the Works of Western Thinkers. Anthology*, compiled by A.A. Pechenkin, 2nd ed., pp. 40–61. Moscow: Logos publ. (In Russ.)
10. Quine, W.V.O. 2013. *Word and Object*. Cambridge: The MIT Press.

11. Morton, T. 2019. *Being Ecological*. Translated from English by S. Silakova, A. Pisarev. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art publ. (In Russ.)
12. Morton, T. 2019. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Translated from English by V.I. Abramenko. Perm: Gile Press publ. (In Russ.)
13. Avanesyan, A. 2018. “Back from the Future: Orientations of Acceleration.” *Logos*, vol. 28, no. 2 (123), pp. 1–6. (In Russ.) EDN: XYZLCP
14. Land, N. 2018. “Teleoplexy: Notes on Acceleration.” *Logos*, vol. 28, no. 2 (123), pp. 21–30. (In Russ.) EDN: XYZLDF
15. Land, N. 2021. *Collected Works*. Vol. 3: Non-Standard Calculations. Translated from English by D.Ya. Khamis et al. Perm: Gile Press. (In Russ.)
16. Artanovskii, S.N. 2014. “The Poetry of Gardens: Pavlovsk Park.” *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, no. 2 (19), pp. 88–91. (In Russ.) EDN: SEATML
17. Kovyazin, V.F., Kh.K. Khyng, and F.T. Kuin. 2016. “Forest Conditions and Species Diversity of Woody Plants in Pavlovsk Park Plantations.” *Current Problems of the Forest Complex*, no. 44, pp. 163–170. (In Russ.) EDN: VWKRQD
18. Markov, A., and A. Sosnovskaya. 2025. “The Spectacularity of St. Petersburg as an Ontological Problem: Object-Oriented Deconstruction of Theatrical, Literary, and Cinematic Assemblages of Spectacles in St. Petersburg.” *Sociological Review*, vol. 24, no. 3, pp. 39–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-3-39-59> EDN: GJLHBX
19. Fodor, J.A. 1987. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5684.001.0001>
20. Braginskaya, N.V. 2020. “How to Invent a Name: ‘Daphnis and Chloe’.” In *Homo omnium horarum: A Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A.V. Podosinov*, pp. 95–133. Moscow: Dmitry Pozharsky University publ. (In Russ.) EDN: ZUPQJA

Сведения об авторе:

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, факультет истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6. ORCID: 0000-0001-6874-1073; SPIN-код: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com

Bio note:

Alexander V. Markov is a Doctor of Philology, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6874-1073; SPIN-code: 2436-2520. E-mail: markovius@gmail.com